

Мизенец¹

Об одном из костромских знакомств Н. А. Некрасова («друг-приятель», Гаврило Яковлевич)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту
спрашивал:
Что строчишь карандашом?
Почитай-ка! Не
прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится – смолчу.

(Посвящение Гавриле
«Коробейников»)

В самом конце текущего года, столь богатого печальными литературными воспоминаниями, исполнилось 25 лет со дня смерти Н. А. Некрасова. Без сомнения вся, не только мыслящая, но и просто грамотная Россия почитает признательным воспоминанием одного из самых любимых своих поэтов. Радуюсь, по этому случаю сказать несколько слов об одном из знакомств поэта, хотя и охотничьем только, но, думаю, не лишенном известного интереса, по крайней мере, для нас, костромичей. Достаточно припомнить, какое значение придавал сам поэт своим летним поездкам на охоту.

Как восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Я сам себя, читатель, нахожу...²

Может быть, некоторыми из этих отрадных минут поэт был обязан и Гавриле Яковлевичу Захарову, крестьянину д. Шода, Костромского уезда, охотнику, который удостоился получить посвящение одного из лучших произведений Некрасова, как «друг и приятель». Здесь я передам рассказ о том, как Николай Алексеевич Некрасов познакомился с Гаврилой. Это сделать мне тем легче, что Шода находится в родной мне Мисковской волости. Наши крестьяне, будучи знакомы с народными произведениями Некрасова, всегда с уважением и гордостью упоминают о посещении Некрасовым их мест, и поэтому мне еще в детстве приходилось слышать, что «сам Некрасов приезжал охотиться в Миское». Нужно отметить, что Мисковская волость издавна славилась своими охотничьими угодьями. Охотники отдаленных местностей часто говаривали, как передают: «Эх, закатиться бы в Мизское, там мы настреляли бы дичи». Многие и наезжали. Действительно, волость эта, расположенная в низменной части бассейна реки Костромы, покрыта вся болотами и озерами, с привольными местами для болотной дичи всякого рода. Поэт оставил описание Мисковской волости в стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы». Вёжи, из которых происходил старый Мазай, принадлежат к этой же волости.

Нравится мне деревенька его:
Летом её убирая красиво,
Истари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зелёных садах
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода понимает,

Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция).

Реки весною выступают из берегов и разливаются на большие пространства, так что все селения волости становятся островками. Но на столбах стоят только бани, в улицах же воды никогда не бывает. Зато жители крайних домов пользуются удобством доставать воду прямо со двора. Что касается хмеля, то почти вся волость занимается хмелеводством, не имея хлебопашества.

Во времена же Некрасова дичи было еще больше. Николай Алексеевич, страстный и искусный охотник, ездил, как сообщает и сестра его³, во все концы от своего летнего местопребывания, с. Грешнева, Ярославской губернии. В одну из таких поездок он встретился и с Гаврилой.

Нынешним летом ввиду приближающейся памяти поэта я решил на месте собрать сведения касательно пребывания его в Шоде, для чего и совершил туда прогулку. В Шоде еще и теперь живут родственники Гаврилы Яковлевича – его сын Иван и брат Семен. Позволю себе подробнее рассказать об этой экскурсии и её результатах.

Выбрав один из воскресных дней, чтобы застать Захаровых дома, я отправился в Шоду. Часа через два пути показалась приличная, как и все селения волости, Шода, деревня домов в 20⁴. По указаниям я подошел к дому Семена и попросил сидевшего под окном парня вызвать хозяина. Ко мне вышел на улицу совершенно седой, но бодрый еще мужик. Я сейчас же приступил к расспросам. Заспанный старик, при имени Некрасова, оживился, но дать подробные сведения отказался, отговариваясь незнанием, и посоветовал мне идти к сыну Ивану. Сам старик, однако, уже успел сильно разочаровать меня в ожиданиях, когда я спросил, сколько времени жил Некрасов у них в Шоде. Думая, в простоте сердечной, получить богатый материал для биографии поэта, я услышал только, что Некрасов «ночи 2 ночевал». «Да я тебе не сумею рассказать», – продолжал старик, – «иди к Ивану, он всё знает». Нечего делать, пошли вместе с ним к Ивану, который, к счастью, тоже оказался дома. Сын Гаврилы, охотника постоянного, кочевого в буквальном смысле слова, также знает местность на большие расстояния и считается лучшим в краю охотником. Он принял нас приветливо: «Сейчас расскажу, садитесь; вот самовар поставлю». Рассказ Ивана оказался не длинен и отрывочен. По его словам, Некрасов приехал как-то летом в Кострому, остановился в одной из гостиниц на Сусанинской площади и послал лакеев разыскать какого-нибудь охотника для указания мест в Костромской губернии. Один из лакеев увидел на рынке Гаврилу, который нес дупелей по губернаторскому заказу. Лакей сказал Гавриле о Некрасове и передал ему желание «барина» найти охотника. Гаврила пришел к поэту, познакомился с ним и обещал показать свои охотничьи места. Сейчас же собрались и поехали на тройках в Шоду. Некрасов, по словам Захаровых, ездил на двух-трех тройках, со всякими запасами и припасами. Дорогой останавливались и охотились, по указаниям Гаврилы, около Миского и Жарков. «В один день, – рассказывает

Иван, – глядим, летят тройки; слышим, барин едет. Что за барин, думаем, их много тут приезжает – особенного внимания не обращали на них. И узнали, что будет Николай Алексеевич Некрасов, барин знаменитый!» Немного спустя, приехал и сам «барин». Не успев еще хорошенько отдохнуть, он собрался на охоту, которая оказалась очень удачной: по словам Ивана, в 3 часа убили 120 дупелей. «Ну, – говорит Николай Алексеевич, – у вас можно охотиться»⁵. Начавшееся таким образом знакомство поэта с Гаврилой с тех пор не прерывалось. Гаврила часто ходил в Грешнево и иногда жил там подолгу. (О Гавриле было где-то напечатано, кажется, в «Свете», что он нажил большое состояние охотой. Но это неверно. Гаврила не был зажиточным и почти не жил дома, а ходил по разным усадьбам и проводил время у господ, охотясь вместе с ними. Он умер в день Пасхи около 1883 года). Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила, в тот же момент – другого, так что Некрасов не слышал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. «Как, – спрашивает он Гаврилу, – стрелял я в одного, а убил двух?» По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд (см. конец «Коробейников»). Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости. Другие подробности, например, о «Катеринушке», которой приходилось парня ждать

до Покрова, основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая так же сидела в одиночестве, как и Катеринушка.

Когда случился первый приезд Некрасова в Шоду, неизвестно. Во всяком случае, до 1861 года, когда написаны «Коробейники». Потом поэт еще два раза посетил Шоду. Гавриле Яковлевичу он подарил на память книгу своих стихотворений с собственноручною надписью; но книга эта «зачитана» каким-то чтецом, а вероятно, даже сгорела, о чем Иван очень сожалеет. Дарил Некрасов Гаврилу и деньгами, его жену и деток тоже не оставлял без подарков. Из других знаков памяти о Некрасове у Ивана находятся на стене два портрета поэта: один фотографический, другой Микешинский, рисованный с умершего Некрасова (из «Пчелы», 1878 г., No 2) с четверостишием Я. П. Полонского.

Поэт и гражданин, он призван был учить,
В лохмотьях нищеты, живую душу видеть
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть.

«Да, – говорил Иван, – хороший был человек, действительно любил только нищету...»

Имя Гаврилы, кроме посвящения «Коробейников», встречается в «Крестьянских детях», дети:

Что было со мною – всему подивились И мой приговор изрекли:

– Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно не барин: как ехал с болота.
Так рядом с Гаврилой...

(«Костромской листок», 29 декабря 1902.)

Примечания

1 - Как писалось выше, «Мизенец» – это псевдоним, обозначающий «житель берегов Мезы» (в произношении местных крестьян – «Мизы»). Скорее всего, под таким псевдонимом укрылся Владимир Яковлевич Нифонтов, родившийся в 1879 году в с. Жарки Костромского уезда в семье священника. После окончания в 1899 году Костромской духовной семинарии В. Я. Нифонтов поступил в университет г. Юрьева (современный г. Тарту, Эстония). Будучи филологом, в студенческие годы он изучал крестьянский говор родных Жарков. Летом 1902 года, гостя на каникулах в Жарках, В. Я. Нифонтов съездил в соседнюю д. Шоду, встретился с И. Г. Захаровым и на основании его рассказов написал очерк «Об одном из костромских знакомств Н. А. Некрасова («друг-приятель» Гаврило Яковлевич), опубликованный 29 декабря 1902 года в газете «Костромской листок». Окончив в 1903 году университет, В. Я. Нифонтов служил учителем в Юрьевской гимназии. Вплоть до революции он сохранял связи с родным краем, состоял членом Костромской губернской ученой архивной комиссии. Его судьба после 1917 года неизвестна. После 1902 года из очерка Мизенца публиковались только отрывки. В нашем издании текст очерк печатается полностью.
Н. А. Зонтиков

2 - «Последние песни». «Уныние».

3 - Г. Александровский. Н. А. Некрасов и его поэзия, стр. 23.

4 - Шода, или Новая Деревня, как её чаще называют, находится в 7 верстах, на р. Мезе, от Костромского Вологодского тракта, т. е. от Жарков, у которых приходится свернуть с тракта. От г. Костромы – в 37 верстах.

5 - Рассказ о встрече Некрасова с Гаврилой передан несколько иначе, чем мне потом пришлось слышать от моего отца, которому рассказывал сам Гаврила. По этой версии, более вероятной, Некрасов «лакеев» не рассылал, а сидя за чаем в гостинице, увидел из окна Гаврилу с собакой и подозвал его. Отец рассказывал также, что когда Некрасова стали одолевать крестьяне в Жарках, желающие посмотреть на поэта, то он, чтобы отвязаться от них, велел выставить им ведро пива.